

ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ *

Г. Травертон

Даже когда в начале 2011 года по Ближнему Востоку прокатилась волна протестов, режим Башара Асада в Сирии казался не-уязвимым. Асад благополучно правил более десяти лет, сменив своего отца Хафеза, который, в свою очередь, удерживал власть более трех десятилетий. Многие ученые доказывали, что сильное полицейское государство в Сирии, жестко контролирующее общество и экономику, легко переживет «арабскую весну». По сравнению с соседним Ливаном, Сирия казалась однозначно стабильной страной. Гражданская война сильно потрепала Ливан в 1970-е и 1980-е, а убийство бывшего премьер-министра Рафика Харири в 2005 году ввергло страну в еще больший хаос.

Однако внешность оказалась обманчивой. Сегодня Сирия охвачена пламенем гражданской войны, режим отчаянно борется за выживание, тогда как Ливан выдержал наплыв сирийских беженцев и существенное давление, оказываемое на него гражданской войной в соседней стране. Как ни удивительно, в 2013 число погибших насильственной смертью на душу населения в Ливане было меньше, чем в столице США Вашингтоне. В том же году число жертв сирийского конфликта превысило 100 тысяч человек.

Почему казавшаяся стабильной Сирия оказалась столь хрупкой, тогда как Ливан выстоял и пережил напасти? Ответ в том, что до начала гражданской войны в Сирии существовала лишь псевдостабильность; за красивым фасадом и безмятежностью скрывалась серьезная структурная уязвимость. Парадоксально, но хаос в Ливане свидетельствовал о силе. Гражданская война, длившаяся 15 лет, привела к децентрализации государства и более сбалансированному разделению власти между суннитами и шиита-

ми. Наряду с небольшой территорией Ливана как административной единицы, эти факторы вместе взятые сделали страну жизнеспособной. Добавьте экономику свободного рынка, которая утвердилась в Ливане. В Сирии правящая баасистская партия стремилась держать под контролем экономическое разнообразие, заменив живой и творческий хаос архаичным способом правления сверху вниз по типу советской административно-командной системы. Эта жесткость сделала Сирию (и другое баасистское государство Ирак) гораздо менее устойчивой, чем Ливан.

Но самая серьезная уязвимость Сирии заключалась в том, что в новейшей истории у нее не было опыта восстановления после беспорядков. Страны, пережившие в прошлом периоды хаоса, получают вакцину против будущих всплесков насилия. Таким образом, лучшим залогом прочности является не былая стабильность, а умеренная неустойчивость в относительно недавнем прошлом. Как один из нас, Насим Николас Талеб, писал в книге «Черный лебедь», изданной в 2007, «диктатуры, которые не кажутся неустойчивыми, такие как Сирия или Саудовская Аравия, больше рискуют погрузиться в хаос, чем, например, Италия, которая со времен Второй мировой войны постоянно переживает политические кризисы».

Разные пути Сирии и Ливана показывают, что самые первые предпосылки нестабильности следует искать не в истории, а в фундаментальных структурных особенностях. Прошлый опыт может быть незаменим в определении риска заболевания раком, риска совершения преступления или риска землетрясений. Но это ненадежный путеводитель в случае сложных политических и экономических, особенно экстраординарных событий, таких как государственные перевороты и финансовые кризисы. Они маловероятны, но чреватые серьезнейшими последствиями. Указания на опасность подобного развития появляются слишком поздно, когда

* Источник: <http://www.foreignaffairs.com/articles/142494/nassim-nicholas-taleb-and-gregory-ftreverton/the-calm-before-the-storm>

уже ничего нельзя изменить, поэтому в данном случае требуется более сложный подход.

аким образом, вместо того, чтобы пытаться предсказать появление «черного лебедя», гораздо полезнее сосредоточиться на том, как системы могут справляться с беспорядками — иными словами, изучить, насколько они уязвимы или устойчивы. Хотя никто не может прогнозировать, что случится с той или иной страной, можно предсказать, как на нее повлияют определенные события. Некоторые политические системы способны выдержать невероятную нагрузку, тогда как другие распадаются при малейших неурядицах. Хорошая новость в том, что можно достаточно точно определить, кто есть кто, опираясь на теорию неустойчивости.

Проще говоря, неустойчивость — это неприятие беспорядков. Неустойчивые системы не любят изменчивости, непостоянства, стрессов, хаоса и непредвиденных событий, в результате которых они почти ничего не приобретают и могут серьезно пострадать. Например, для чайной чашки любая встряска может быть опасной. Ей нужен покой и предсказуемость, что в долгосрочной перспективе обеспечить невозможно. Вот почему время — враг любой хрупкой или неустойчивой системы. При этом все хрупкое реагирует на встряску нелинейным образом. Что касается людей, нельзя сказать, что травма от падения с трехметровой высоты в 10 раз тяжелее, чем от падения с высоты 30 см. В политическом и экономическом смысле падение цены на нефть на 30 долларов за баррель гораздо хуже для Саудовской Аравии, чем падение цены на 15 долларов за баррель. Хуже не в два раза, а существенно больше.

Известны пять основных причин неустойчивости государств: централизованная система управления, недиверсифицированная экономика, чрезмерный государственный долг и закредитованность, отсутствие политической вариативности и опыта преодоления потрясений в прошлом. Используя эти критерии, мы увидим совсем иную карту мира. Внешне беспорядочные и хаотичные страны на поверку намного безопаснее, а государства, казавшиеся спокойными

и стабильными, оказываются бомбами с часовым механизмом.

Централизация недееспособна

Первый признак неустойчивого государства — централизованная система принятия решений. Казалось бы, централизация делает правительства более дееспособными и, следовательно, более стабильными. Но эта стабильность — иллюзия. Если не считать армии (только она нуждается в единой структуре), централизация усугубляет неустойчивость. Хотя централизация уменьшает отклонение от нормы, создавая впечатление, будто все работает гладко, она увеличивает последствия отклонений, которые все же происходят. Хаос сосредотачивается в немногочисленных, но более жестких эпизодах, которые наносят непропорционально большой урон, чем небольшие суммарные вариации. Другими словами, централизация снижает риски на местах, такие как присвоение государственных средств провинциальными царьками, за счет увеличения системных рисков, таких как катастрофичные реформы на государственном уровне. Соответственно централизованные государства, такие как Советский Союз — более уязвимые и неустойчивые, чем децентрализованные страны, такие как Швейцария, состоящая из дееспособных государств-деревень.

Государства зачастую прибегают к централизации власти для подавления напряженности в отношениях между разными группами населения. Эта неспособность примирять разнородные элементы общества, политические, этнические или религиозные, еще больше усугубляет неустойчивость. Хотя страны, которые позволяют противоречиям выйти наружу, могут переживать политические потрясения, они намного прочнее, чем те, что искусственно подавляют раскол, создавая тем самым недовольное меньшинство, внутри которого происходит брожение умов. Например, в Ираке при Саддаме Хусейне установился режим, возглавляемый суннитским меньшинством, притеснявшим шиитов и курдов. После того, как к власти в 2006 г. пришел шиитский премьер-министр Нури аль-Малики,

страна кинулась в другую крайность и начала отстранять суннитов от руководства. Исследование Янира Бар-Яма показало, что государства с четкими границами, отделяющими разные этнические группы, меньше страдают от насилия, чем те, которые пытаются их интегрировать. Другими словами, люди предпочитают быть добрыми соседями, чем жить в одной квартире. Таким образом, в странах, раздираемых религиозной враждой, гораздо разумнее выделить разным группам свою территорию, нежели принуждать их жить под одной крышей, поскольку в этом случае подавляемое меньшинство превращается в радикалов.

Более того, централизация повышает вероятность военного переворота, облегчая доступ к рычагам управления. Например, Греция была в высшей степени централизованной страной, когда в 1967 группа полковников свергла правительство. Примерно в то же время Италия могла казаться столь же уязвимой, учитывая повсеместные социальные волнения и идеологические конфликты, но ее спасла политическая децентрализация и географические особенности. Разные экономические и политические центры в буквальном и переносном смысле находились далеко друг от друга, и эта удаленность не позволила какой-то одной фракции военных захватить власть в стране.

Государства, состоящие из полуавтономных единиц, отличаются устойчивостью в наши дни, но то же самое мы наблюдаем и в истории: самыми устойчивыми политическими образованиями были города-государства внутри империй, обеспечивавших им определенную защиту — от *Rex Romana* до *Rex Ottomana*. Но в последний период своего существования многие империи начинали процесс централизации — в частности, Египет при фараонах и династия Мин в Китае. В обоих случаях империи ужесточали режим не до, а после периода процветания, централизация не была фактором успеха, и ею объяснялся последующий развал и крах.

Старые и новые города-государства — от Венеции до Дубая, от Женевы до Сингапура — обязаны успехом своему небольшому размеру. Те, кто сравнивает политичес-

кие системы по их характеру, не принимая во внимание размер, совершают аналитическую ошибку: города-государства имеют и имели самые разные политические системы — от самых демократичных (Венеция) до самых просвещенных, но авторитарных (Сингапур). Подобно тому, как слон не есть большая мышь, так и Китай не есть более крупная разновидность Сингапура, даже если у них аналогичные стили государственного управления.

Вернемся к Ливану. На протяжении большей части истории в Средиземноморье преобладали многоязычные, религиозно терпимые города-государства, одержимые коммерцией, которые мирно сосуществовали с самыми разными империями. Но большинство, в конце концов, были поглощены современными национальными государствами. Александрия — Египтом, Смирна — Турцией, Фессалоники — Грецией, а Алеппо — Сирией. Но к счастью для Ливана он был поглощен Бейрутом, а не наоборот. После распада Османской империи государство Ливан было достаточно маленьким и слабым и его колонизировал город-государство Бейрут. В результате за прошедшие полвека уровень жизни в Ливане вырос по сравнению с соседними государствами. Страна избежала застойных явлений, которые парализовали регион после того, как к власти в Египте пришел Гамаль Абдель Насер, а в Сирии и Ираке бразды правления получила баасистская партия. Произошла концентрация власти, и образовался слой нефункциональной бюрократии, что стало причиной многих бед, с которыми страны региона сталкиваются сегодня.

Неустойчивая государственная экономика

Второе слабое место — отсутствие экономической диверсификации. Концентрация экономики может причинить еще больший ущерб, чем политическая централизация. Экономисты со времен Дэвида Риккардо превозносили выгоды специализации в отраслях, где та или иная страна имеет сравнительное преимущество. Но специализация делает государство более уязвимым перед лицом непредвиденных событий.

Страна будет в безопасности, если утрата одного источника дохода не причинит ущерба всей экономике. Например, страны, зависимые от туризма, особенно уязвимы в случае дестабилизации обстановки. Греция столкнулась с этим после экономического кризиса, Египет — после революции, начавшейся на площади Тахрир. Гавайи испытали такое сразу после 11 сентября. Даже превратности моды могут быть важным фактором, когда новые горячие места вытесняют старые туристические центры (пример марокканского города Танжер). Еще одна причина неустойчивости — экономика, построенная на одном ресурсе. В качестве примера можно привести Ботсвану, зависящую от добычи алмазов. Опасна также зависимость от одной отрасли, которая приносит львиную долю экспортных доходов. Пример — Япония с ее гипертрофированной автомобильной промышленностью. Еще хуже, когда в экономике доминируют крупные государственные предприятия. Это не только снижает конкурентоспособность, но и усугубляет риски падения спроса на конкретный товар или продукт, поскольку государство медленно и неуклюже реагирует на рыночные сигналы.

Третья причина уязвимости также экономическая по своей природе: высокий уровень государственного долга и закредитованности экономики. Высокие долговые обязательства, наверно, можно считать самым важным источником неустойчивости. Они делают экономику более чувствительной к падению доходов — тем более, если падение доходов ускоряется. Как выяснили на своем горьком опыте Lehman Brothers перед банкротством в 2008 г., по мере снижения доверия инвесторов и роста требований возврата долгов, убытки начинают расти как снежный ком. Долг самого государства — наверно, самый злостный из всех долгов: его нельзя капитализировать или акционировать, и он становится постоянным бременем. Страны не могут легко обанкротиться — в этом главная причина, по которой люди одалживают им деньги, веря в безопасность своих инвестиций.

Большой объем кредитов точно также повышает риски. Например, Дубай одалживает большие суммы на реализацию агрес-

сивных проектов в области недвижимости, увеличивая объем кредитных ресурсов в своей экономике. Таким образом, любое падение доходов становится чрезвычайно опасным. Прибыльность проектов настолько незначительна, что в любой момент компании эмирата могут столкнуться с нехваткой средств для выплаты долга, уйти в минус и опустошить государственную казну. Это означает, что, несмотря на превосходное государственное управление и безупречную структуру, Дубай может быстро стать неплатежеспособным. Мы это уже видели во время финансового кризиса 2008 г., когда Абу-Даби был вынужден прийти на помощь.

Благословение изменчивости

Четвертая причина неустойчивости — отсутствие возможности политических перемен. Вопреки расхожему мнению, для стабильных стран характерны умеренные политические перемены, постоянная смена правительств и политической ориентации. Отвечая на давление в политике, изменения поддерживают стабильность, если они не слишком кардинальны — нечто вроде смены правления консерваторов и лейбористов в современной Великобритании, но не якобинцев и роялистов в революционной Франции. Политическая изменчивость позволяет отстранять от власти конкретных лидеров, тем самым снижая уровень кумовства. Когда государство децентрализовано, изменения происходят еще более гладко, поскольку муниципалитеты распределяют между собой полномочия в области принятия решений, и обеспечивается плюрализм политических воззрений.

Именно возможность политических перемен делает демократии более устойчивыми по сравнению с авторитарными режимами. Италия столь устойчива именно потому, что смогла приспособиться к фактически постоянному внутривнутриполитическому брожению, готовя граждан к переменам и создавая организации и учреждения, способные адаптироваться к умеренной нестабильности. Вполне ожидаемо, что во время «арабской весны» ни одна из бывших диктатур не продемонстрировала такой способ-

ности. В Египте власть захватили военные, а другие страны погрузились в пучину хаоса в той или иной степени. Некоторые государства, вышедшие из авторитарного правления, не скатившись при этом в беспорядки и хаос, создавали необходимые институты для приспособления к переменам. Например, в Испании при Франциско Франко за авторитарным фасадом развивались институты гражданского общества.

Пятый маркер неустойчивости — это отсутствие опыта преодоления больших потрясений. Страны, пережившие худший сценарий в недавнем прошлом (в предыдущие два десятилетия) и оправившиеся от этого шока, более стабильны, чем те, у которых не было подобного опыта. Иными словами, это дальнейшее развитие принципа, согласно которому стабильности не бывает без изменений. Государства, способные пережить хаос и не распасться на автономные образования, достаточно крепки. Шок поучителен для государства и как правило, провоцирует посттравматический рост.

Взгляните на Индонезию, Малайзию, Филиппины, Южную Корею и Таиланд. Тот факт, что эти страны выстояли в азиатском финансовом кризисе 1997–1998 гг., говорит о том, что они могут пережить потрясения, а впечатляющие экономические показатели в последующую эпоху свидетельствует о том, что они, возможно, получили прививку от неустойчивости и извлекли для себя ценные уроки, приспособив внутриполитические институты к выживанию. То, что бывшие советские республики восстановились после развала Советского Союза, также говорит об их относительной стабильности. Это подобно воспитанию ребенка: родители хотят защитить детей от серьезных потрясений, которые они могут не пережить, но не ограждают от всех жизненных трудностей, чтобы закалить их.

Прекрасные и проклятые

Эти пять маркеров лучше всего использовать в качестве предупредительных сигналов. Они не могут со стопроцентной точностью говорить о стабильности или нестабильности конкретной страны (ни одна

методология этого не может), но показывают, есть ли у данной страны поводы для беспокойства. Особого внимания требуют государства, где налицо несколько критериев нестабильности, поскольку они суммируются с нарастанием: если страна уязвима по двум критериям — это более чем в два раза опаснее наличия одного критерия. Когда речь идет об общей неустойчивости, то разные страны могут либо вообще не иметь признаков неустойчивости, либо быть крайне нестабильными.

Саудовская Аравия первой приходит на ум: она чрезмерно зависит от нефти, в ее внутренней политике застой, и для нее характерна крайняя централизация власти. Нефтяное богатство и могущественное правительство сглаживали разногласия между этнорелигиозными сообществами — тем более, что шиитское меньшинство живет вокруг нефтяных месторождений. По той же причине Бахрейн следует считать крайне неустойчивой страной — в основном, из-за подавляемого шиитского большинства.

Египет с его поверхностным и косметическим восстановлением после революционного хаоса и централизованным (и бюрократизированным) правительством также входит в число уязвимых стран. То же самое можно сказать о Венесуэле с ее централизованной политической системой, значительными политическими переменами, экономикой, основанной на нефти, и отсутствием опыта преодоления больших потрясений. Те же проблемы характерны для России. Эта страна остается чрезвычайно зависимой от добычи нефти и газа и имеет крайне централизованную политическую систему. Единственный позитивный фактор заключается в том, что Россия преодолела трудный переход от советской эпохи к рыночной экономике. По этой причине она, возможно, находится где-то между умеренно неустойчивыми и неустойчивыми странами.

Некоторые государства на данном этапе лучше всего отнести к категории неустойчивых, хотя они предпринимают энергичные меры, чтобы добиться большей устойчивости. У Греции колоссальный госдолг и негибкая политическая система, но она начала

реструктуризацию экономики. Время покажет, станет ли это началом новой эры более высокой ответственности или очередным фальстартом. В Иране централизованное правление, мало внутривластных перемен и экономика, зависящая от добычи нефти и газа. Однако режим стал проявлять признаки большей терпимости к политическим разногласиям и свободомыслию. Хотя формально Иран считается теократией, в отличие от Саудовской Аравии, ислам в Иране гораздо лучше адаптируется к переменам и может эффективнее приноравливаться к процессам модернизации. Греция и Иран могут либо трансформироваться в более здоровые и стабильные государства, либо стать шаткими и уязвимыми системами.

К умеренно неустойчивым странам следует также отнести и Японию, учитывая самое высокое в мире соотношение госдолга к ВВП, длительное доминирование одной партии, зависимость от экспорта и неспособность полностью восстановиться после «потерянного десятилетия». Другими умеренно неустойчивыми государствами являются Бразилия, становящаяся все более централизованной и забюрократизированной; крайне централизованная и зависящая от нефти Нигерия, которая все же сумела восстановиться после экономических и политических беспорядков 1980-х гг. и продемонстрировать приспособляемость к новым угрозам, таким как исламистская группировка Боко Харам; и чрезвычайно централизованная Турция, не имеющая опыта восстановления после катастроф в своем послужном списке. Помимо всего прочего, зависимость Турции от иностранных инвестиций несовместима с ее агрессивной происламистской политикой, отталкивающей от нее западных инвесторов. Индию, наверно, следует считать слегка неустойчивой. У нее децентрализованная политическая система, страна приспособилась к быстрому росту населения и неравномерному экономическому развитию, но ее экономика зависит от экспорта.

Как это ни парадоксально, Италия не обнаруживает признаков нестабильности. Ее политическая система децентрализована, и она неоднократно восстанавливалась после череды кризисов. Италия также переживает большие политические перемены, не причиняющие ей вреда. За последние 25 лет здесь сменилось 14 премьер-министров. Франция более неустойчива. Несмотря на пустой треп о децентрализации, власть в стране централизована, уровень долга достаточно высок, отсутствует опыт восстановления после потрясений. Страна рискует пережить экономическую травму, которая усугубит опасность непредсказуемых политических реакций. Увеличится привлекательность крайне правых, что чревато радикализацией многочисленного мусульманского меньшинства.

Китай остается загадкой. Впечатляющий экономический рост делает его будущее непредсказуемым. Страна на удивление хорошо восстановилась после шока маоистского периода. Однако эта эпоха закончилась почти четыре десятилетия назад, поэтому вряд ли может считаться гарантией или прививкой от будущих потрясений. Политическая система Китая крайне централизована, экономика зависит от экспорта в страны Запада, а правительство в последнее время увлеклось заимствованиями, что делает страну более уязвимой в случае замедления внутреннего и внешнего роста. Хватит ли Китаю опыта, приобретенного в процессе восстановления от потрясений в прошлом, чтобы компенсировать слабости, связанные с долговым бременем и централизацией? Скорее всего, не хватит: то, что Пекин приобрел, извлекая уроки из прошлых кризисов, нивелируется его слабостями. С каждым прошедшим годом эти ценные уроки уходят все дальше в прошлое, и перспективы появления «черного лебедя» выглядят все более грозными. Но чем скорее случится этот кризис, тем лучше для Китая в долгосрочной перспективе.